Александр А. Сальников

Ветлуга поёт о вечном

Том 3

Александр Сальников

Ветлуга поёт о вечном (Том 3)

«Автор»
2026

Сальников А. А.

Ветлуга поёт о вечном (Том 3) / А. А. Сальников — «Автор», 2026

В третьем томе поэмы "Ветлуга поёт о вечном" публикуется третья из восьми частей поэмы. Поэма рассказывает об истории Великого Поветлужья и распространении христианства на средневековой Руси.

© Сальников А. А., 2026
© Автор, 2026

Александр Сальников
Ветлуга поёт о вечном (Том 3)

Часть третья

Крестом и мечом

«Много раз был в путешествиях, в опасностях на реках,
в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе,
в опасностях в пустыне, в опасностях на море,
в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении,
часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте,
на стуже и в наготе».
(Второе послание к Коринфянам 11:26-27)

1. Пленение иноков

Против воли Всевышнего трудно идти.
Разгадать эту волю труднее стократ.
В тот же день, как расстались под дубом в грозу
С кузнецом три монаха, ждала их судьба
У ближайшей марийской деревни, куда
И пошли они, только гроза унялась.
До деревни ещё полверсты не дошли,
Лишь увидели издали домиков ряд,
Как из леса густого внезапно на них
Молодцы налетели, как волки в лесу
Налетают на стадо пугливых косуль.
Ничего и понять не успели они,
Как связали их крепко верёвкой тугой,
Отобрали нехитрые вещи, потом
Привязали друг к другу да в лес увели.
– Вот и встретились! – слышат вдруг голос они.
Посмотрели: здоровый детина стоит
В светло-серой рубахе на выпуск, в портах;
Да засунут топор за широкий кушак.
Сам почти в три аршина, с лохматой башкой,
С бородой, доходящей почти до пупа.
Под уздцы он держал лошадь масти гнедой.
– Ворон! – тихо Варнава монахам сказал.
– Вижу, вы не успели меня позабыть.
Где ж охранник-то ваш? Уж не бросил ли вас?
Где же наш Спиридон? Может, с ним убежал?
– Ничего мы не знаем. И в наших вещах
Вряд ли что-то найдёте, полезное вам, –
Отвечал тут Макарий. – С нас нечего взять…

– Ну-ну-ну! Помолчи! Я уж вам говорил:
С вас-то мы, может быть, ничего не возьмём,
А за вас-то нам, может, чего и дадут.
Так что лучше послушно идите за мной,
А не то раньше времени к Богу пошлю... –
Засмеялся тут Ворон, с ним – все молодцы.
И верёвки конец привязали они
К задней луке седла. Ворон ехал верхом,
И ещё рядом с ним были два верховых,
Остальные шли пеша. Всего их теперь
Было около дюжины в шайке лесной.
До вечерней зари шли по чащам лесным,
Где невидимой тропкой, где вовсе без троп,
По одним лишь приметам, заметным едва.
Вот, в конце концов, вышли к поляне одной,
Где землянка была у лесного ручья.
В трёх шагах от землянки чернела в земле
Преглубокая яма, а сверху она,
Будто крышей, накрыта была шалашом,
Чтобы дождь не залил. В эту яму всех трёх
И столкнули. Свалились монахи в неё;
Помогли встать друг другу на дне земляном;
Огляделись, довольно просторно вокруг,
Можно тут разместить и десяток людей.
Слышат, Ворон им сверху с усмешкой сказал:
– Будьте, братья, как дома! Здесь стол вам и кров.
Кто письмо-то напишет из вас в монастырь,
Чтобы нам передать: чтобы выкуп за вас
Получить? А не то – здесь вам долго сидеть…
– Мы такого письма не напишем тебе! –
Отвечал ему смело Варнава монах. –
Лучше ты о душе позаботься своей:
Сколько взял на неё ты ужасных грехов…
– Сколько взял – все мои. Я отвечу за них.
А вот вас кто спасёт тут, в дремучем лесу?
Ведь не спустится Бог, чтобы вытащить вас,
Сколько вы не молитесь… – Потом он сказал,
Обращаясь к кому-то из шайки своей:
– Васька, ты будешь первым на страже стоять!
Да смотри, чтоб не вылезли! Бей по зубам!
– Будь спокоен, не вылезут, – Васька сказал.
У землянки разбойнички яркий костёр
Развели, чтоб поужинать им перед сном.
Ворон стал тут пожитки монахов терзать,
Разбирать да смотреть, что в них годного есть.
– Посмотри-ка, ребята, вот в этой суме…
Сколько тут бересты! Нам как раз для костра…
– То, записки, наверное, …дай-ка сюда,
Посмотрю, что написано там! – говорил

Самый младший из шайки, Ушатый Фома
Двадцати пяти лет, из крестьян костромских.
– Ты читать, что ль, могёшь? – удивились ему.
– И читать, и писать… дьяк меня научил
До того, как из дому-то я убежал…
Ну-ка, дай посмотрю… – Взял он грамотки те,
Повертел их в руках. – Точно, тут словеса…
– Ну-ка, что они пишут? Прочти что-нибудь. –
И Ушатый Фома стал при свете костра
Вслух читать те заметки, что Тихон писал.
Прочитал о Кажирове, монастыре,
О начале их странствий, о том, что на них
Нападение было однажды в лесу…
– Ишь ты!.. То ведь про нас, – Ворон тут произнёс. –
Ну-ка, дай-ка сюда! Я хочу посмотреть… –
Тот ему протянул три куска бересты.
Посмотрел на них Ворон, как буковки в ряд
Нацарапаны были на тонких листах.
Ухмыльнулся: – А больше тут нет ничего?
– В этих нет. Вот другие, могу почитать…
– Почитай. Ну а эти… – и Ворон все три
Бросил в жаркий костёр. – Пусть уж лучше сгорят.
И другие, читай, да в костёр их кидай! –
Приказал он Фоме. И тогда прочитал
Им Фома о цыганах, о том, что потом
Спиридона послали к Варнаве служить;
Прочитал о пожаре, о чуде на нём.
И о том, сколько после марийцев к Христу
Привели проповедники словом своим…
Он читал, да в костёр все, одну за другой
Берестовые грамотки перекидал.
– А неужто и правда, что пишут они,
Про пожар-то, про чудо? – спросил тут один.
– Правда то, или нет, нам теперь всё равно! –
Отвечал ему Ворон. – Уж коли они
И в огне не горят, так в земле не сгниют!
Посидят пусть и в яме. А наших грехов
Нам бояться уж нечего: там, где один,
Там и десять. Безгрешно-то кто проживёт?.. –
Так разбойники возле большого костра
Всё беседы вели… В тёмной яме в тот час
И монахи беседу вели меж собой:
– Ничего, ничего… пострадать, претерпеть –
Это нам даже лучше, – Варнава сказал. –
Мы в страданиях веру свою укрепим.
Что Христос претерпел!.. наши беды – ничто.
– Жалко, братья, заметок… – тут Тихон сказал. –
Я, конечно, потом, что восполнить смогу,
То опять запишу, но боюсь, что не всё

Может память моя удержать в голове…
– Будем, братья, молиться, – Макарий сказал. –
Верю я, что молитва дойдёт до небес.
Кто-нибудь да спасёт нас... Варнава, начни… –
И монахи молились, глаза устремив
К небесам, хоть над ними скрывал небеса
Густолистый шалаш, что над ямой стоял.
А потом, помолившись, они улеглись
Прямо так, на земле, чтобы ночь провести.
Время тихо текло. Каждый думал своё.
В яме пахло землёй, пахло сыростью в ней.
Тут Варнава сказал:
– Братья, знаете, что?
Нужен мне ваш совет… я припомнил сейчас…
Есть в Писании место, которое я,
Как ни силился, всё же понять не сумел.
У Луки оно, там, где Христос говорит:
«Если кто и придёт ко Мне, сам же притом
Ненавидеть не будет отца своего,
Мать свою и семью, даже малых детей,
Да ещё ненавидеть и жизни своей,
Тот Моим уж не может быть учеником…»
– Что же тут непонятного? – Тихон спросил.
– Так ведь пятая заповедь учит чему?
Чтоб отца своего почитали и мать!
Почитанье и ненависть как совместить?
А особенно как же, своих-то детей?..
– Может, заповеди, что от Бога даны
На Синае горе, Моисею ещё,
Уж утратили силу, – Макарий спросил. –
По пришествии в мир Иисуса Христа?
Он Нагорную проповедь всем возвестил;
Дал Он людям тогда десять заповедей.
У апостола Павла о том есть слова,
Что Господь наш учением новым своим
Истребил то, что было, и что против нас,
Взял учение старое Он от среды
И к кресту пригвоздил! Так, я думаю, брат.
– Нет, Макарий, не верно. – Варнава сказал. –
Ты Нагорную проповедь вновь перечти.
Там Христос говорит: «Не нарушить пришёл
Я закон, но исполнить»! А также сказал,
Что «доколе и небо с землёй не прейдут,
Из закона ни йота, ни даже черта
Не прейдут, уж пока не исполниться всё»!
– Да, не ясное дело, – Макарий сказал. –
Тихон, как ты рассудишь? Что думаешь ты?
– Я, признаться, над этим и сам размышлял, –
Отвечает им Тихон. – Полгода уж как…

У Пафнутия старца хотел расспросить…
Но стеснительно было, что сам не могу
Разобраться в Писании… так, не спросил…
Да и всё недосуг. А потом мы ушли…
– Тут зазорного нет, – вновь Варнава сказал. –
Мудрость Божию кто же постигнуть сумел?
Даже старцы и те часто споры ведут,
Да трактуют Писание в меру свою…
А однажды я видел… уж год, как тому…
Это было на Пасху. Вот тоже, пример…
Наш Степан Кельдибеков в крючках-то своих
Нёс корзинки с хлебами. И старец Мирон
Рядом шёл. Упокой его душу Господь…
А навстречу им баба; да целый калач
Прям в корзинку Степану она и кладёт.
И Степан, не снимая корзинки с крючков,
Головой своей бабу ту перекрестил.
А Мирон стал ругать его: как же, мол, так?
Два перста, мол, для знаменья крёстного есть!
А Степан показал ему руку с крюком:
Нету, мол, у меня и перста одного…
Я подумал тогда: он её окрестил,
Или нет? Ведь крестил не перстами её…
– Как же мог он перстами? – Макарий сказал. –
Ведь Степан же безрукий. Наверно, ему
И крюками дозволено… и головой…
– Вот и думаю я, – вновь Варнава сказал. –
Что не важно ведь, сколько влагаешь перстов,
Если знаменье это идёт из души…
– Не везде то не важно. На службе, поди,
Есть и смысл, – инок Тихон ответил ему.
– Это правда, брат Тихон, – Варнава сказал. –
А давайте, друзья, о вопросе-то том…
О Писании… если к решению мы
Сами вдруг не придём… так тогда тот вопрос
Спросим старца Варнавы. Ведь мы всё равно
Вниз идём по реке и увидим его.
Он рассудит, надеюсь, и всё объяснит…
– Если только отсюда мы выход найдём, –
Проронил тут Макарий. Потом он сказал, –
Всё же, братья, мне дивно. Какой дикий край,
А ведь крест православный течёт и сюда!
На Ветлужскую землю, к Ветлуге реке!
Сколько душ православных теперь тут живёт!
И река этих душ всё бурливей, сильней.
И теперь, хоть немного, но в этом уж есть
Также наша заслуга. А будет ещё…
Разве может хоть кто-нибудь этот поток,
Эту реку священную остановить?..

– Только жалко заметок… – вновь Тихон вздохнул.
– Эй, вы там, болтуны! – слышат иноки вдруг. –
Ну-ка, хватит болтать! – строго стражник сказал.
Он вздохнул, и уселся у ямы дремать.

2. Фёдор Шарьинец и Иван Вершина

Экономит природа ресурсы свои,
Не растратит напрасно ни время, ни сил.
Если осень пришла: всё готовится к ней;
Ну а если весна, – жди тепла от весны.
Южный ветер который уж день нёс тепло
На Ветлужскую землю. А вниз по реке,
Где, в Ветлугу впадая, струится Шарья,
Родниками питавшая воды свои,
На речном берегу, у песчаной косы,
Стройный парень сидел восемнадцати лет.
Три аршина с локтём заключал его рост;
Грудь свою он вздувал, как меха кузнеца;
Кудри русые падали мягкой волной
На широкие плечи, на брови его;
Голубые глаза заключали в себе
Небо русских широт, реки русской земли.
Это Фёдор Шарьинец, рыбалить пришёл
На Ветлугу-реку, где любил он бывать.
Если б в Муроме бравый былой богатырь
Не сидел тридцать лет и три года своих
Из-за немощи сиднем на теплой печи,
То уж верно бы был в восемнадцать годов
Как и Фёдор Шарьинец по силе своей,
Сын Ивана Вершины, которого все
Уважали за силу и смелость его.
Как-то раз тот Вершина Иван налетел
На татарский отряд у Шарьи берегов.
Словно ветром их смёл, всех в реке утопил.
Мирно землю пахал он на поле своём,
Как татары пришли; видят: конь у него
Вороной, будто ночь, со звездою во лбу,
А глаза у него, будто чёрный агат,
Грива бархатом чёрным течёт до земли,
Ноги крепче дубов, грудь как крепость сильна.
Захотели для хана коня отобрать.
Но Вершина Иван им сказал: «То не конь,
Это друг мой. А друга могу ли отдать?»
Предлагали и выкуп. Сердился Иван:
«Как вы, нехристи, можете так говорить?!
Кто ж друзей продаёт? Не видать вам коня!»
Тут хотели уж силой коня отобрать.
Вот тогда-то Вершина Иван не стерпел,

Налетел на татар и один всех побил.
Долго случай тот помнили в местных краях.
А однажды приехал боярин Сабур,
Тот, что родом от Чета, с земли Костромской.
Чет в Орде Золотой начал службу свою
Как татарский мурза, но оттуда бежал,
И, приняв православие, был он крещён
Как Захария. И в Костроме основал
Он Ипатьевский, дивной красы монастырь.
От него род Сабура и род Годунов.
На Ветлужскую землю боярин Сабур
Князем Тёмным был послан, чтоб беглый народ
Собирать по лесам, да порядок смотреть.
А в тот день, как приехал боярин Сабур,
И от князя он грамоту всем огласил,
Перстень княжеский с камнем большим показал,
Что в подарок для местного князя привёз,
Чтобы тот не препятствовал люд собирать.
Этот перстень лежал на подносе резном
И на солнышке яхонтом ярким сиял.
Лишь на миг отвернулся боярин Сабур,
К воеводе дружины своей, как в тот миг
Подлетела ворона, спустившись с сосны,
Перстень княжеский с камнем, схватив, унесла.
Крик поднялся и шум. И сказал тут Сабур:
– Эй, стрельцы! Кто ворону собьёт, дам тому
Рубль серебряный! – Рой острых стрел в тот же миг
Взвился вслед за вороной. Да только никто
Из стрельцов не попал. Скинул шапку Сабур,
Да о землю ударил:
– Пропал перстенёк!.. –
Тут и вышел к Сабуру Вершина Иван,
На плече его сокол сидел молодой:
– А позволь-ка, боярин, и мне испытать
Рубль серебряный твой. Может, чем помогу. –
Согласился Сабур. Тут Иван и пустил
В небо сокола:
– Финист, достань-ка её!
Да сюда принеси, да под ноги нам брось. –
Взвился в небо стрелой ясный сокол тогда,
В миг один он ворону-воровку догнал.
Когти острые стали ей смертью тогда.
Хриплый крик издала она. Перстень звездой
Засверкал среди дня в ясном небе, да вниз
Покатился с небес и куда-то упал.
Сокол бедную птицу к Сабуру принёс,
Кинул под ноги, сам же опять на плечо
Взгромоздился к Ивану и крылья сложил.
Так и ахнули все. А Сабур говорит:

– Ну, Вершинин Иван, заслужил серебро! –
Тут боярин Ивана рублём одарил.
А потом погрустнел:
– Ах, дурак я, дурак!
Перстень как нам найти на широком лугу?
Лучше б выследить было ворону, а там,
Когда сядет в гнездо, там уж перстень достать…
А теперь, кто же перстень-то князев найдёт?.. –
И ответил Сабуру Вершина Иван:
– Чем одаришь того, кто найдёт перстенёк?
И сказал тут Вершине Ивану Сабур:
– Коли сможешь, сыщи! Дам я рубль золотой! –
– Золотой! Золотой! – зашептали в толпе. –
Ты, боярин позволь, может, мы и вперёд
Перстень князев найдём, – говорили вокруг.
– Что ж, идите и вы: больше шансов найти…
– Погодите! – сказал тут Вершина Иван. –
То не дело, боярин! А если они
Не найдут, да затопчут? Тогда уж и мне
Не найти с моим другом. А глаз у него
Поострей, чем у них. Сверху видит он всё.
– Золотой захотел! – закричали кругом. –
Что ж мы, глупые – перстень ногою топтать?
Мы ж под ноги глядим! Всё обшарим, весь луг!
– Погодите орать! – воевода сказал.
И к боярину слово своё обратил, –
Прав Иван! Пусть сначала поищет сапсан.
Что толпу посылать? Как поверишь толпе?
Если кто вдруг найдёт, да себе заберёт?
Что ж, потом нам их всех донага раздевать?
Или спрячет в траве, да отыщет потом.
Перстень чай дорогой стоит больше цены. –
И ответил Сабур:
– Воевода, ты прав.
Хорошо, пусть сначала поищет сапсан. –
Зашипел недовольно повсюду народ:
Всем хотелось найти золотой перстенёк,
Чтоб за это боярин дал рубль золотой.
– Цыц! – сказал на толпу воевода. – А ну,
Запускай свою птицу, – Ивану сказал.
Тот чего-то шепнул, и сапсан полетел.
Покружил там, где раньше ворону поймал,
Да вернулся назад, ничего не принёс.
Засмеялся народ:
– Вот те рубль золотой!
Дура-птица не может железки ловить!..
– Что ж ты, братец? – сказал, огорчившись, Сабур.
– Погодите немного, – ответил Иван.
Он опять пошептал что-то соколу в клюв.

– Глянь, целуются! – крикнул какой-то дурак.
Смех в народе поднялся. Иван же опять
В небо сокола выпустил:
– Финист, ищи! –
В вышине покружил в том же месте сапсан
Да, спустившись немного, ещё покружил
Возле речки Шарьи, возле самой воды,
И вернулся назад, тихий клёкот издав.
Оживился народ:
– Дело ясное тут!..
На ворон пусть охотится птичка твоя!
Ну, теперь уж законна и наша пора… –
И боярин, вздохнув, разрешил всем искать.
Целый час луг обшаривал честный народ,
Каждый кустик, травинку… да без толку всё.
А Иван всё, задумавшись, молча, стоял.
Вот вернулись искатели, грустно глядят.
Воевода с боярином сникли совсем.
– Что ж, обшаривать что ли, народ-то теперь? –
Воевода спросил. А боярин, вздохнув,
Лишь рукою махнул да плечами пожал.
– Ах, ты горе хозяин! – Иван тут вскричал,
По лбу стукнув себя, – Это ж я виноват!
То не птица дурная. То сам я – дурак!
Он же слов-то не знает, не может сказать
Человеческим словом. А если уж я,
Сам хозяин, так значит и должен его
Понимать я без слов. Он же мне показал,
Где тот перстень лежит, аж два раза подряд!
Ах, ты горюшко, горе! Ведь он же его
Видел сверху-то! Только не может достать.
Знать, в реке он лежит. Знать в Шарью он упал.
Ну-ка, братцы, за мной! – Тут Иван в третий раз
В небо сокола выпустил. Сам же – скорей
Побежал к тому месту, где сокол кружил
Да куда он спускался у самой воды.
В это место, раздевшись по пояс, Иван
Осторожно зашёл да под воду нырнул.
А в Шарье-то вода – словно чистый алмаз,
Солнца луч освещает Шарью аж до дна.
А на дне, отражаясь на солнце, блестит
Золотой перстенёк с камнем дивной красы.
Так Иван для боярина перстень достал,
И за то был одарен рублём золотым.
Много кануло лет с той весёлой поры.

3. Встреча старца Ванравы и Фёдора

А над тихой Ветлугой, над дивной рекой

Даже годы текут, замедляя свой ход.
Человек здесь родится, взрослеет, живёт,
И семьёй обзаводится, нянчит детей,
Их растит, сам стареет, и видит, дивясь:
Вот и старость к нему незаметно пришла.
Но спокойно уходит он в мир праотцов,
Потому что он видит, что семя его
Проросло, возмужало. И в каждом дите
Есть частица его, род его не умрёт…
Вот и Фёдор Вершинин похож на отца,
По прозванью Шарьинец. Любил он бывать
На Шарьи берегах, на Ветлуге-реке.
Вот Шарьинцем его и прозвали за то,
Что бывал чаще всех у Шарьи ключевой.
Как отец, он силён был, и так же был смел,
И в плечах был широк, да и ростом высок.
Богатырь да и только. Таких на Руси
Можно много найти, если время придёт.
Тот же сокол сидел на плече у него.
Он достался ему после смерти отца.
Стал теперь он ему сокол помощник и друг.
С детства знал он его, и сдружились они.
В тот день Фёдор Шарьинец рыбалить пришёл
На Ветлугу-реку, где любил он бывать,
Где волною впадает в Ветлугу Шарья.
Вдруг он видит, две лодки идут по реке
По течению вверх на тугих парусах.
Впереди лодка меньшая, следом за ней –
Лодка большая, парус раздув на ветру.
Вот всё ближе, всё ближе, равняются с ним,
Правят к берегу. В лодках монахи сидят:
Двое – в лодке большой, да и в малой – один.
Вот спустили они паруса, а затем
Возле берега встали. Из лодки большой
Вышел древний старик с бородою седой;
Крест-энколпий висел у него на груди;
Ряса старая видела много чудес;
Столь же старый клобук прикрывал седину;
Длинный посох сосновый держал он в руке.
Старца под руку вёл, помогая ему,
Здоровенный детина, чуть следом идя.
Опираясь на посох, подходит монах
Прямо к Фёдору, так он ему говорит:
– Мир тебе, сын Иванов! И Финист с тобой? –
Удивился тут Фёдор Шарьинец; поклон
Он отвесил земной, и ответил тогда:
– Мир и вам! Вижу, я вам известен уже…
Но откуда известен вам Финист, мой друг?
Кто вы? Как называть вас, почтенный отец? –

И ответил ему седовласый старик:
– Я Варнава, по чину же я иерей.
Ну а это послушник мой, брат Спиридон.
Много кануло лет, как из Устюга я
На Ветлужскую землю неволей пришёл.
А потом полюбилась мне эта земля,
Здесь остался служить, всю Ветлугу прошёл.
Поселился потом я на Красной Горе,
Там с тех пор и живу, там и Богу служу.
Иногда, как теперь, отлучусь по делам,
Да назад возвращаюсь. Там место моё.
А Вершину Ивана, отца твоего,
Я знавал: мы встречались, хотя и давно.
И тебя самого я когда-то крестил.
Вот и сокола видел, узнал я его
По отметине, что на его голове…
– Вижу, знаете много, Варнава отец.
Только я вам зачем, что оставили вновь
Вы обитель свою и приплыли сюда?
Может, помощь нужна? Я готов вам помочь…
– Да, нужна. Но не мне, – отвечает старик. –
Три монаха идут по Ветлужской земле,
Продолжают они то, что я начинал:
Просвещают и крестят марийский народ.
Нашу веру несут. Только сами они
Малоопытны в слове и деле своём.
И в защите нуждаются. Труден их путь.
Спиридона вот с вестью послали ко мне,
Что у них всё в порядке. Но позавчера
Получил я видение, было оно
Преисполнено ужаса: будто их страж
Сам смертельной опасности не избежит;
Что оставит он их, и что сами они
Из-за этого скоро в беду попадут.
Растревожилось сердце моё, и тогда
Вспомнил я о тебе. Восемнадцать уж лет
Пролетело с тех пор, как крестил я тебя.
И подумал я: верно, теперь он и сам,
Как отец его, бравый Вершина Иван, –
Богатырь да и только. И вот – мы уж здесь.
Я смотрю на тебя, ожиданья мои
Оправдались вполне: ты и, правда, – в отца!
Так готовься, мой сын, ждут тебя чудеса.
Много подвигов нужно тебе совершить.
Послужи нашей вере и русской земле!
Может, в странствиях этих найдёшь и судьбу...
– Как же я отыщу проповедников тех?
– Ты о том не печалься. Тебя поведёт
Провидение. Всё уж вверху решено.

Твой сапсан будет другом и братом тебе.
Сверху многое может он видеть… а ну,
Посади-ка на посох мне птичку свою. –
И Варнава немного свой посох склонил,
А Шарьинец на посох с плеча своего
Птицу-сокола, Финиста, пересадил.
Тут на голову сокола руку свою
Наложил мудрый старец. И сокол слегка
Встрепенулся, но, тут же, покорно застыл.
А Варнава глаза свои тихо закрыл,
Чуть их к небу подняв, и задумался так.
– Добрый сокол! – сказал. – Пусть он служит тебе,
Как отцу твоему, да и лучше ещё.
Он теперь будет чувствовать волю небес.
Мудрый сокол! Возьми! Вам вдвоём – лёгок путь.
Если сон мой обманчив и если у них
Всё в порядке, то можешь вернуться домой.
А зовут тех монахов: Макарий один,
Тихон инок второй, ну а третьего звать
Так же, как и меня. Отыщи их, мой сын.
– Отче! Мне в Соколово, в деревне своей
После смерти отца жить тоскливо совсем.
Ну а матушка раньше его умерла.
Я – один был у них. Что теперь мне терять?
Финист – милый мой друг, он мне как старший брат;
Он один мне остался. Родней – никого.
С лёгким сердцем оставлю деревню и дом,
И пойду послужить православной Руси.
Только нет у меня ни коня, ни меча…
– Ты о том не заботься. Вон лодка моя,
«Самарянка». Возьми. Ветер нужный теперь.
Он поднимет твой парус и скоро домчит
По течению вверх. Дальше – Бог поведёт.
Сокол в помощь тебе, да отвага твоя.
Ну а меч… Я когда-то в деревне одной,
В Кораблихе, что выше, за Шанзой лежит,
Повстречался со старым марийцем одним.
Дед Ексей его звали. А дочку его
(Жил он с дочкой вдвоём), – звали Устей её.
Был я болен тогда. Он меня приютил.
Две недели тогда у него я гостил.
К нашей вере склонил их. Он мне рассказал,
Про отважного предка, который служил
Ещё князю Олегу, что Вещим зовут.
И от этого предка хранится в роду
Меч Олегов. Возможно, ты встретишься с ним.
Если благословение будет на то,
Меч тебе он отдаст. А не будет – тогда
Ты уж сам позаботься… Ну, с Богом! Прощай! –

В пояс Фёдору тут поклонился монах,
И крестом троекратно его осенил.
Поклонился и Фёдор до самой земли.
И монахи тогда к малой лодке пошли,
Где товарищ их ждал. А затем по волнам,
По течению вниз, не подняв парус свой,
Покатили они по Ветлуге-реке,
Этой дивной дороге, что катит сама.

4. Нападение на Бакмата

Тихо волны шептались Ветлуги-реки.
А Бакмат между тем всё коня торопил.
Уже сумерки вечер кругом разостлал.
По дороге Бакмат снова пленниц нагнал.
Лишь заметив его, разбежались они,
За татарина вновь поначалу приняв.
Он же им закричал: – Не пугайтесь меня!
Я ваш друг! Я Бакмат! – А когда их собрал,
Рассказал по пути, как погиб Тихомир,
Как погиб его брат и из пленниц одна,
Что вернулась назад. А потом он сказал:
– Тут, совсем недалёко, версты через три,
Деревенька марийская есть. В ней живёт
Мой знакомец, Урса. Вы идите к нему.
От меня передайте привет и поклон.
У него заночуете. Я же – спешу. –
И оставил он девушек возле реки,
Сам вперёд поспешил, чтоб скорей отыскать
Трёх монахов. Всю ночь он в дороге провёл.
Рано утром, измученный в долгом пути,
Конь его еле плёлся тропинкой лесной,
Что лежала от берега недалеко.
А Бакмат в полудрёме сидел на коне;
То совсем забывался и сладко дремал,
То глаза открывал, на дорогу смотрел,
То опять забывался на время во сне.
Справа между деревьев ещё темнота
Лес таила от глаз, мраком тайны укрыв;
Слева между деревьев светлела уже
Голубая река, что спокойно текла,
Рваным пухом тумана прикрывшись едва.
Вот уж птицы, проснувшись, свои голоса
Стали пробовать, скрывшись в высоких ветвях.
Тут сквозь щебет пернатых и шорох листвы
Вдруг услышал Бакмат скрип колёс впереди.
В перелеске, куда он как раз выезжал,
Две подводы он встречных увидел, на них
Три мужчины: один на передней сидел,

И старуха с ним рядом, в зелёном платке;
Два – на задней подводе. Сравнялись они.
Тут с передней подводы мужик соскочил
Да коня у Бакмата схватил под уздцы:
– Пр-р-ру! Стоять! Заходи-ка, ребята, с боков! –
Приказал он другим. Те зашли со сторон.
– Думал, мы не узнаем по рылу тебя? –
Вдруг старуха сказала. – Вяжите его! –
Думал, было, Бакмат взять свой памятный нож
Да пырнуть одного, так, чтоб страху нагнать,
Да копытом коня сбить другого, да – в лес!
И никто уж тогда не догнал бы его.
Только клятву свою, что давал сам себе,
Тут припомнил: оружие в руки не брать,
Если против людей обернётся оно.
И решил только словом помочь сам себе.
– Люди добрые! Я выполняю наказ
Кузнеца Тихомира… мне надо найти
Трёх монахов… – Его уж тянули с коня.
– Тихомира дружок! – кто-то зло прокричал.
– Конь-то, вона какой у него, подлеца!
– Забирайте коня, отпустите меня… –
Но ему уже руки связали ремнём.
А коня привязали к одной из телег.
– Нож, гляди-ка, какой! На-ко, мать, посмотри…
– Нож оставьте! Отцовский… Я дал вам коня… –
Но в ответ был сильнейший удар по зубам.
Тут свалился Бакмат и ногами его
Стали бить мужики.
– Бей сильней! Не боись!
Он живой нам не нужен, паршивец такой! –
Говорила старуха. – Амбары пожёг… –
Как свалился Бакмат, конь его, словно бес,
Вдруг заржал, залягался, зубами скрипит…
– Тьфу ты! Бешеный чёрт! Успокойся! А ну!.. –
И старуха по морде стегнула коня.
Мужики ж на Бакмате плясали трепак;
Били долго, с азартом, пока уж совсем
Не устали и сами. Глядят, а Бакмат
Не шевелится больше. Детина один
Пнул ещё – ничего, как мешок с ячменём.
– Ладно, хватит с него… Сдохнет сам, если жив!
– Лучше ножичком горло ему перережь,
Пусть его дивный нож-то его и убьёт,
Чтобы точно нам знать. Не поднял бы своих,
Если выживет… – баба сказала тогда,
Протянув сыну нож. Только нож он не взял:
– Что ты, мать?! Я – купец! Не убийца какой.
Ну, побить, попинать… а убить – это ж грех!

Лучше сам пусть умрёт. Всё нам меньше греха…
– Эй, Никитка! А ну, на-ка нож, да пырни… –
Приказала старуха работнику тут.
– Что ты, что ты… одумайся… можно ли так?..
– Ну, сказала! Живей!..
– Упаси меня Бог! –
Замолился Никитка, здоровый мужик,
Закрестился, упал на колени, молясь.
– Тьфу! Проклятые! Бабы вы, не мужики!
Ну, так бейте ещё! Чтобы дух вышел вон!
– Он уж дохлый. Гляди, – сын старухе сказал,
Да ещё пнул ногой. Конь Бакмата опять
Стал брыкаться, заржал, да копытом своим
Как ударит в живот мужика, что к нему
Был всех ближе. Мужик отлетел и упал.
Конь поднялся опять на дыбы и сорвал
Привязь с рамы телеги. Победно заржал.
– Ой, держите! Уйдёт! – баба крикнула тут.
Но к коню подойти не нашлось смельчаков.
Он стрелой улетел, скрывшись в ближнем лесу.
Мужика, что зашиб он, подняли с земли.
Тот едва уж дышал, а живот весь распух.
– Надо ехать. А то он в дороге помрёт…
– А того так оставим?
– Верёвку сними,
Чай не лишняя. А самого оттащи,
Вон, к реке, да и брось где-нибудь под кустом. –
Приказала старуха. – Пусть звери сожрут! –
Так и сделали. На берегу у реки
Возле вербы куста положили его
И уехали. Только лишь скрылись они,
Как из леса к Бакмату пришёл его конь.
Он понюхал хозяина, да языком
Полизал ему щёки, и нос, и глаза,
Словно плакал о нём. Не хотел уходить.
А потом очень жалобно тихо заржал.

5. Дом у реки. Рассказ деда Ексея

Облака с высоты на Ветлугу глядят,
Словно в зеркале в ней отражаясь, они
Над полями, над лесом, над всею землёй
Пролетают, им ведома вся красота,
Что видна с высоты. Вот проплыли они
Над деревней, что тихо стоит у реки.
Кораблихой назвали деревню давно,
Потому что когда-то сюда в кораблях
Приплывали, чтоб стройные сосны рубить,
Чтобы новые строить из них корабли.

Стало мало с тех пор сосен в этих краях,
Стало больше дубов да берёз, да рябин…
И давно уж не строили здесь кораблей.
На отшибе деревни, над самой рекой
Ветхий домик стоял. Жили в домике том
Старый дед, мать и дочь. И хотя дочь была
Не родной, мать любила её всей душой.
Дед марийца Ексея построил тот дом.
А отец его, Ур, разукрасил весь дом
Расписною резьбой. Весь в резных кружевах
Дом стоял у реки. И прохожий любой
Хоть на миг да стопы остановит, дивясь
На узор кружевной. И соседям резьбой
Украшал Ур дома. Уважали его
За искусство резьбы. Сам Ексей не имел
Тяги к этому, был он охотник, рыбак,
Да умел на костях вырезать письмена
И узоры марийские; делал крючки,
Серьги, кольца, браслеты, и всё из костей.
Но начальником рода считался Учай.
И далёкого предка, Учая, в роду
И в деревне все помнили. Этот Учай
В достославные годы ходил на войну
С русским князем Олегом, что Вещим зовут,
В Византию далёкую. Там воевал.
Дед Ексей уже стар был настолько, что мог
Только есть да лежать на лежанке своей.
Сходит было «до ветру», чтоб кости размять,
И опять – на лежанку, под старый кафтан.
Дочь его, тётка Устя, теперь уж сама
Заправляла хозяйством. Приемная дочь
Ей во всём помогала. Девчонке тогда
Шёл пятнадцатый год. Звали Машей её.
Так и жили. Однажды зашёл к ним во двор
Стройный парень. Лишь Устя с отцом на крыльцо
Вместе вышли, глядят: удалец хоть куда,
Три аршина с локтём заключал его рост;
Грудь свою он вздувал, как меха кузнеца;
Кудри русые падали мягкой волной
На широкие плечи, на брови его;
Голубые глаза заключали в себе
Небо русских широт, реки русской земли.
В домотканой рубахе, в широких штанах,
Что заправлены были в его сапоги
Крепкой кожи кабаньей в малиновый цвет;
А на поясе красный расшитый кушак.
На широком плече его сокол сидел.
Поклонился хозяевам парень, сказал:
– Мир вам, добрые люди! Не здесь ли живёт

Дед Ексей, что хранит с незапамятных пор
Князя русского меч? Я от старца иду,
От Варнавы. Про меч это он мне сказал.
– Да, Варнаву я помню, – ответил старик. –
До него лет пятнадцать молчал я про меч,
Да и после него лет пятнадцать молчал.
А ему вот сказал, так как верой своей
Изумил он меня, кротким духом своим.
И тебе, если он посылает тебя,
Расскажу я про меч. Сына нет у меня.
Ну а бабам моим этот меч ни к чему.
В нашем роде не вышел такой богатырь…
Не судьба. Значит, должен я меч передать.
Проходи, добрый молодец. Как тебя звать?
– Звать-то? Фёдор Шарьинец. Отец мой – Иван
По прозванью Вершина. Вершинин и я.
– Про Ивана Вершину-то слышали мы, –
Отвечала ему тётка Устя. – Про то,
Как в Шарье утопил он татарский отряд…
– Было дело. Но это ещё до меня… –
Фёдор соколу что-то тихонько шепнул,
Сокол крылья расправил, стрелою взлетел,
Сделал круг и унёсся. – То Финист, мой друг.
Разомнётся пускай. Да добычу найдёт. –
Но лишь в горенку Федор Шарьинец зашёл,
Лишь увидел он Машу, – дар речи забыл.
Пряла Машенька пряжу; лишь бросила взгляд
На вошедшего; тут же, глаза опустив,
Вновь работой своей занялась; на щеках
Только яркий румянец зажёгся, да грудь
В сарафане вздымалась чуть чаще теперь.
– Это Машенька, внучка, – сказал дед Ексей.
И у девицы вспыхнул румянец опять.
Поклонился ей Фёдор. И Маша – в ответ.
Тётка Устя уж было на стол накрывать,
Только Фёдор сказал:
– Не могу сесть за стол.
Дело срочное есть. А иначе меня
Не призвал бы Варнава. Мне надо найти
Трёх монахов. Видение было ему,
Что в беде они. Надо монахов спасать.
Ты, отец, дай мне меч. А в обратном пути
Обещаю зайти к вам, у вас погостить. –
Не заметил Шарьинец, когда говорил,
Что у Маши румянец опять на щеках
Запылал, а сама погрустнела она.
Только Устя, заметив, сказала отцу:
– Ты уж слаб, чтоб идти. Пусть-ка, Маша пойдёт
Да покажет, где спрятан Олегов-то меч.

Но, достанет ли он?.. – Ей ответил старик:
– То – не наша забота. Коль меч столько лет
Для него пролежал, так достанет. А коль
Не хозяин мечу он, – не сможет достать!
Ты бы лучше пока на дорогу ему
Собрала что поесть... – повернулся затем
Дед к Шарьинцу: – А ты не спеши. А сперва
Вот послушай легенду о том, как тот меч
От Олега-то, князя, в наш род перешёл.
Это было давно... погоди-ка, когда?..
Уж не помню, в каком это было году…
И мой дед ещё мал был… А долго он жил…
Он от прадеда слышал, а я – от него,
А потом – от отца и от матери; все
Знали эту легенду далёких времён,
Как на греков ходил князь Олег воевать.
Много войску он взял. И славян, и древлян,
И варягов, и чудь, мерю и полян…
(Наш Учай был мерю, до того, как осел
На марийской земле)… А Олег вместе с тем
Взял и радимичей, да ещё северян,
Взял и кривичей тоже, и вятичей взял,
И хорватов с дулебами взял он в поход,
И тиверцев, которых в народе ещё
Толмачами все звали. Их тоже он взял.
Я запомнил названия этих пленён,
Так как дед мой мне часто о них говорил.
Много знал он историй об этой войне…
Достославные эти народы Руси
Греки Скифью Великою звали тогда.
С этим войском на греков пошёл князь Олег.
Он две тысячи крепких собрал кораблей,
Ну а воинов было уже и не счесть.
Конных много, а пешим уж нету числа.
В корабли всех коней погрузили они,
И провизию взяли на дальний поход;
Сели воины все. Так и тронулись в путь.
Долго шли корабли по спокойной воде.
Так к Царьграду пришли. Видя скифов вокруг,
Греки заперлись в городе крепком своём.
Стали думать: что делать теперь, как им быть.
А Олег вышел на берег с ратью своей,
Перед городом встал у тяжёлых ворот.
Но Царьград скифам крепких ворот не раскрыл.
Взять же силой Царьград – много сил потерять.
Стал в Царьградских окрестностях князь воевать,
Чтобы греков войною своей устрашить.
Много было тогда разорений, убийств.
Много сжёг он церквей и домов, и палат.

Силой скифов, как пыль от копыт скакуна,
Греков головы падали сотнями с плеч.
Кто сдавался им в плен, тем не лучше судьба:
Всех безжалостно рушил жестокий булат.
Бедных женщин, детей, если брали вдруг в плен,
То насилие, муки их ждали, и смерть.
Никого не щадила Великая Скифь.
Тут пленённых мечами секли на куски,
Похваляясь товарищам силою рук.
Так мясник рубит туши коров и свиней.
Там стреляли из луков упругих по ним,
Ставя вместо мишени. Стараясь ещё
Сердца чтоб не задеть, чтобы дольше карать
Грека пыткой, чтоб адскую муку узнал.
Дети так развлекаются, мучая птиц.
Для других же пленённых – другая судьба,
Да не лучшая. Сильно израненных, их
В море с кручи толкали; изранив же так,
Чтобы выплыть они уж потом не могли.
А кого и конями топтали в пыли,
Так, что с грязью мешались их кости, тела.
Много, много злодейства творили тогда
Грекам русичи. Что же, так, впрочем, всегда
Все враги поступают, друг другу во зло.
Только сколько бы зла не творил им Олег,
Греков он не заставил ворота открыть
У Царьграда. Закрыты стояли они,
Молчаливо взирая на беды вокруг.
Уважение крепость внушала ворот.
И презрение – их молчаливый ответ.
А с высокой и крепкой стены городской
Молча греки смотрели, как гибнут вокруг
Соплеменники. Ужас их всех охватил;
Ещё больше боялись ворота открыть
Диким варварам скифским. Решили они:
Пусть всё гибнет вокруг, но не сможет Олег
Стену преодолеть, город силою взять.
Надоело и скифам окрестность вокруг
Разорять. Князь Олег повелел собирать
Воевод и князей на военный совет.
Стали думать они, как Царьград победить.
Тут Олег говорит: «Кто придумает, как
Греков нам победить и ворота открыть,
Я тому за совет подарю этот меч,
Что в сражениях был мне как брат мой родной!»
Тут из ножен достал он булатный свой меч
И повыше поднял, чтобы всем показать.
Вот тогда-то Учай, предок наш, предложил:
Мол, неплохо бы было, когда б корабли

Подогнать бы к Царьграду… Поднялся тут смех.
Как же ты, мол, по суше-то их подведёшь?
Это, чай, не телеги! Олег же сказал:
«Погодите! Быть может, он знает и как
Корабли по земле до Царьграда тащить?»
«Их не надо тащить. Сами, как по волнам,
По земле корабли поплывут, – отвечал
Князю мудрый Учай. – Надо только под них
Нам покрепче колёса поставить, и всё.
А потом стоит только поднять паруса
И они понесут на Царьград корабли,
Лишь бы ветер попутный способствовал в том».
Восхитился Олег, он велел поскорей
Войску делать колёса; на оси же их
Ставить, как на телеги, затем корабли.
Да в порядке расставили их боевом.
А когда это диво создали, тогда
Стали ветра все ждать. Вот попутный подул
Сильный ветер. Подняли затем паруса.
И понёс корабли ветер, как по воде,
По земле на Царьград, паруса им раздув.
Словно стая огромная белых гусей
Диким клином несётся, врага заклевать.
Видят греки: о, чудо! Не морем, – землёй,
Паруса, будто крылья большие, подняв,
К ним неслись корабли на закрытый Царьград.
«Что за диво такое? Ведь этак они
Стену перелетят, если могут вот так,
По земле, как по морю, плыть на кораблях!»
Испугались совсем; плачь и стоны кругом:
«Лучше сдаться на милость, чем смерть нам принять».
Так и сделали греки. Ворота раскрыв,
Стали милости русского князя просить.
Лишь старейшины греков, увидев обман,
Отомстить захотели, и князю несут
Яства всякие с чашею, полной вина.
А вино-то отравлено. Князь же Олег
Пить из чаши не стал. Он коварный их план
Угадал. Испугались старейшины тут,
Говорят: «То не князь, это Дмитрий святой,
С неба посланный Богом, чтоб нас покарать».
И с тех пор князя Вещим в народе зовут,
Что сумел план коварный у греков раскрыть.
На ворота Царьграда повесил тогда
Князь свой шит в знак того, что он город тот взял.
Ну а дивный свой меч он Учаю отдал.
Много дани тогда Византия на Русь
Отправлять обязалась. И долго она
Дань платила Руси. Превеликую дань.

А потом, много позже, погиб князь Олег
От укуса змеи, как и было ему
То предсказано ранее. Вот весь мой сказ. –
Долго дед говорил. Долго слушал его
Богатырь соколовский. Дослушав рассказ,
Взял от Усти котомку с нехитрой едой,
Поклонился хозяину он до земли,
Да и вышел за Машей из дома во двор,
Чтобы к месту идти, где схоронен был меч.
– Ты оттуда веди его прямо к реке, –
Маше Устя сказала, – Что б времени он
Не терял. Прямо к Соснам Ходячим веди.
Я же, лодку туда приведу и дождусь,
Что б обратно домой нам вернуться вдвоём. –
Так за девушкой к лесу пошёл богатырь.
Свистнул Фёдор тихонько, и сокол с небес
Опустился кругами ему на плечо
Да и быстрые сильные крылья сложил.

6. Меч князя Олега

Уж не ведомо, времени сколько прошло:
Долго шли они лесом. То здесь, а то там
Дуб поваленный видели в чаще лесной;
Было срублено, спилено много дубов;
И у всех корень выкорчеван. Наконец,
Вышли к светлой поляне, где в центре стоял
Преогромнейший дуб, высотой до небес.
Маша Фёдора к дубу тогда подвела
И сказала:
– Пришли. Здесь, под дубом лежит
Меч Олегов. Достанешь его – будет твой. –
И опять покраснела, когда на неё
Посмотрел богатырь. Фёдор тут говорит:
– Это кто же сумел меч под дуб положить? –
Маша так говорила Шарьинцу в ответ:
– Прадед прадеда деда запрятал здесь меч,
Потому что охотников много забрать…
Смазал жиром барсучьим, потом замотал
Чёрным шёлком, в колоду укрыл, да зарыл
В этом месте. А сверху он дуб посадил.
И с тех пор сотни лет этот дуб тут растёт.
А в предании сказано: Лишь богатырь,
Что придёт вместе с соколом, сможет взять меч.
Три их предка погибли, ту тайну храня.
А четвёртый под пыткой сказал, что лежит
Меч под дубом, а вот под каким, не сказал.
И с тех пор порубили здесь много дубов,
В наших диких лесах. Но сюда не дошли.

– Что ж, выходит, твой дед и не видел меча?
– Нет. Ни дед и ни прадед… Лишь знают, где дуб;
Да легенду друг другу, уж сколько веков,
Пересказывают. А теперь и сынов
Не осталось уже в их почтенном роду.
Ну а я… не марийка, а русская я.
Я – приёмная дочь. Было мне года три,
Или пять, как татары деревню сожгли,
Всех убили мужчин, ну а женщин, детей
Взяли в плен. Мать моя попыталась бежать,
Но догнали татары. Меня же она
Схоронила в Ветлуге, в густых камышах.
Я с тех пор уж не видела больше её.
Так осталась одна. А потом уж, в лесу
Меня Устя нашла и к себе привела.
Так у них и живу я. Она мне как мать… –
И ответил ей Фёдор на этот рассказ:
– Свет мой, Маша! Едва я увидел тебя,
На мгновение я обо всём позабыл;
Еле сердце в груди я своей отыскал,
Так забилось оно. Так стучит и теперь,
Лишь в глаза голубые твои посмотрю…
Только долг не даёт мне остаться с тобой.
Но тебе обещаю: к тебе я вернусь…
– Помолчи! Помолчи! Обещаний ты мне
Не давай, не тревожь. Буду жать я и так.
Лучше меч постарайся скорее достать,
Да спеши в свой поход. Да скорее вернись.
– Эх! – Тут Фёдор Шарьинец обнял крепкий дуб,
Столь широкий, что ствол он не смог обхватить.
Сокол Финист взлетел, да над кроной кружил.
– Э-эх!! – напрягся Шарьинец всей силой своей.
Сокол Финист всё шире и шире круги
Над зелёною кроною дуба повёл.
Ветер всюду поднялся, завыл, засвистел.
А на небе над дубом из туч небольших
Вдруг огромная чёрная туча свилась,
А из тучи, змеёю спускается смерч
Прямо к дубу, и крону его он объял.
Маша, видя такое, стоит, не жива,
Не мертва, оробела, не в силах шагнуть.
– Э-э-эх!!! – тут Фёдор вскричал, зарычал, словно зверь.
Вздрогнул дуб, покачнулся, ветвями встряхнул,
От земли оторвался и рухнул, треща,
Будто скошенный в страшном бою богатырь.
Тотчас смерч отступил и по лесу ушёл,
По пути всё ломая, со свистом лихим.
А колоду, в которой схоронен был меч,
Вырвал дуб из земли, обвивая её,

Спрутом крепких корней. Фёдор корни сломал
И колоду разбил, и достал из неё
Свёрток чёрного шёлка. Его развернув,
Он достал ножны дивные редкой красы.
Сокол изображён был на ножнах резных.
Рукоять у меча тоже дивной красы
В виде сокола вся, что когтями держал
Крестовину меча, смирно крылья сложив.
Драгоценные камни сияли на ней.
– Дивный меч! – восхитился Шарьинец. – Его
Впору князю любому во славу держать! –
Он обтёр меч от смазки, на пояс одел. –
Эх, теперь бы коня!.. а пешком-то с мечом…
– Ничего. По дороге найдёшь и коня.
Только б ты не забыл путь обратный, ко мне.
– Уж теперь я его не смогу позабыть.
Что ж, веди меня к Соснам Ходячим скорей,
Что б скорее я мог возвратиться к тебе. –
Так за девушкой снова пошёл богатырь.
Уж не ведомо то, полчаса или час
Шли они разнолиственным лесом густым,
Вдруг вдали увидали и светлый сосняк,
И Ходячие Сосны у самой реки,
Холм едва миновали они насыпной.

7. Яма

Окрик грубый услышав, прервали свой сон
Три монаха. Смешали они день и ночь.
Ночью жутко и холодно в яме сырой.
Голод, жажда, усталость измучили их.
В тёмной яме три инока третий уж день
Как сидят. Им еды не дают уж два дня.
Только воду теперь получают они.
Но без дела монахи не могут сидеть.
В яме Тихон из глины фигурки лепил,
На стене барельефы выделывал он
По мотивам Писаний. Другие же два
Письмена выводили в стене земляной
О себе и о Боге, о том, как они
В путь далёкий пустились, и как их сюда
Посадили разбойники, как здесь живут…
И хотя покидали их силы уже,
Дух у них был не сломлен. Усталость едва
Сладкий сон подарила им, сон этот был
Грубым окриком прерван. Проснулись они.
– Ну, ещё не решили письмо написать? –
Слышат сверху. Над ямою Ворон стоял. –
На воде и на хлебе здесь будете жить…

– Так хоть хлеба нам дай, – попросили они.
– День, другой и без хлеба не сдохнете тут.
Может, в разум придёте. Пишите письмо!
Да просите, чтоб выкуп мне дали за вас.
А не будете: здесь и окончите дни.
Здесь мы вас и зароем. Считайте, что вы
Уж в могиле своей. Нам и дел: лишь зарыть.
Дали вам бересты, дали нож, чтоб писать,
Есть вода, а еды не просите пока.
Может, голод немного очистит мозги.
Так что думайте. Время играет на нас.
Трое вас, пусть один, и другой тут помрёт,
Третий всё же напишет. Куда нам спешить.
– Есть же крест на тебе. Ты же веришь в Христа, –
Говорил ему Тихон. – Ведь время придёт
И тебе умирать. Как же душу свою
Ты губить не боишься? Ей вечно страдать…
– Ты меня не пугай! Я уж пуган сто раз.
Здесь, в ветлужских лесах, дьявол Бога сильней!
Где ему там, с небес, через лес-то густой
Рассмотреть, что творится на грешной земле?
Дело тёмное – лес! Много в чащах своих
Он скрывает от мира и зла, и грехов.
На свету все мы – люди, и все без греха.
А как в тёмный-то лес забредёшь, да кругом
Видишь только убийство, да страх перед ним,
Так душа-то и чувствует: страх-то сильней
И добра, и любви, и всего, что ни есть.
Всяких видел я здесь. Сила силушку гнёт…
– Ты вот главный у них, а душой-то ты – раб,
Потому что тобой страх владеет, не ум, –
Отвечает из ямы Варнава ему. –
Можешь ты нас и голодом тут заморить,
А письма в монастырь не напишем тебе.
– Ничего, подождём. Голод вас вразумит. –
И сказав это, Ворон от ямы ушёл.
Приуныли монахи. Что делать теперь?
На воде они долго не смогут прожить.
В яме сумрачно, холодно, сыро сидеть.
Солнца днём закрывает над ямой шалаш.
– Братцы, есть-то охота, живот весь свело.
Я бы съел хоть сапог, – грустно Тихон сказал.
– Да, сейчас бы попасть нам опять в монастырь,
Очутиться бы в трапезной! Вот уж где рай
Для голодных желудков, – Макарий сказал.
– Брат Макарий, не надо! Ты этим ещё
Аппетит лишь сильнее растравишь себе.
Да и нам заодно, – так Варнава сказал.
Замолчали монахи в подземной тюрьме,

Лишь урчанье утроб было слышно в тиши,
Да над их головами в лесной вышине,
Где-то там, – щебетание птиц, ветра шум.
– Что же делать нам, братцы? – Макарий спросил.
– Что тут сделаешь? Знаю я только одно,
Что письма мы писать не должны ни за что! –
Вновь Варнава ответил. А Тихон сказал:
– Здесь, в лесу, Тихомир нас не сможет найти…
– Ничего, есть у нас пастырь лучше него.
И ему мы должны доверяться во всём, –
Так Варнава ответил. А Тихон сказал:
– Что ж, помолимся, братья. Теперь нам одно
Остаётся: на Бога во всём уповать.
Мы и раньше не думали, будто наш путь
Будет лёгок и весел. Чего же теперь
Унывать нам? Мы вместе, мы живы, и есть
Хоть немного воды. Воздадим же хвалу
Богу мы и за это. Откуда нам знать,
Что Он нам приготовил на этом пути…
– Мудро слово твоё, – брат Макарий сказал. –
Что бояться разбойников, если за нас
Тот, кто выше всего. Он их нам и послал,
Чтоб проверить на крепость, на веру, на дух.
Что бояться нам смерти, когда для неё
Мы всю жизнь и живём, и готовимся к ней?
Кто родился героем, вождём, мудрецом?
Лишь детьми мы рождаемся слабыми все.
А потом крепость духа и веры, и Бог
Нас выводят в герои, в вожди, в мудрецы.
Только даже герой, даже вождь и мудрец,
Если к смерти своей не готовят себя,
Могут в час свой последний, в последний свой миг
Зачеркнуть все деяния жизни своей,
Если слабость проявят, хотя бы лишь раз.
Смерть венчает людей, весь их путь, всю их жизнь.
Как-то книгу читал я о древнем царе.
Был велик и могуч он. Держава его
Процветала, он многими повелевал
Городами и странами. Только потом
На него вдруг войною пошёл царь другой,
Молодой, сильный, смелый, и он смог в бою
Победить столь могучего прежде царя,
Разгромил его армию и самого
Захватил его в плен. А потом никого
Не хотел оставлять он в живых и казнил
Всех, посмевших войною пойти на него.
Всех солдат, воевод. А потом и царя.
И тогда старый царь на колени упал,
Стал пощады просить, согласился он быть

Хоть рабом, только б жить. И оставил его
Победитель в живых, чтобы падал он в прах
У его колесницы: чтоб царь молодой
По нему заходил в колесницу свою.
И ведь падал же в прах старый царь, чтобы жить!
Так окончил он жизнь свою грязным рабом,
Потому что о смерти не думал своей,
Не готовился к ней, и не смог одолеть
Страха жизнь потерять ради чести своей.
И хоть жил он царём, всё же умер как раб.
Полководцы его, и солдаты его
Честь свою берегли, ради веры своей
Жизнь отдали свою. Он же предал всех их.
Вот об этом теперь мы подумать должны.
И рожденье, и жизнь человеку даны,
Чтобы к смерти своей он достойно пришёл,
И достойно бы принял последний удел.
– Мудр и ты, брат Макарий, – Варнава сказал. –
А теперь воздадим мы молитву Творцу,
И пусть будет всё так, как положено быть.
Нам же – стойко сносить да Творца восхвалять. –
Встали в яме они на колени тогда
И творили молитвы, и силы свои
Укрепляли молитвой и духом своим.
И окончив молиться, они улеглись,
Чтобы сил не расходовать и отдохнуть.
Долго, молча, лежали. Никто говорить
Не хотел. Только слушали пение птиц.
Вдруг какие-то мелкие камешки к ним
Полетели на дно. Тихон поднял один,
Посмотрел, удивился:
– Глядите, друзья,
Кто-то кинул орехов. Не сторож ли наш
Жалость к нам проявил? Вот, берите… –
Они разделили орешки и съели скорей,
Да наверх посмотрели, хотели сказать
Благодарность тому, кто решил укрепить
Их в насильном посте. Вдруг над ямой, вверху,
Видят белку. И та снова бросила им
Три орешка лесных. И пропала опять.
– Вот так чудо! – Варнава сказал. – Ну и ну! –
Я-то думал, что стражник до нас снизошёл.
Оказалось, что белка нам носит еду!
– Я не верю глазам. Как же то может быть? –
Проронил тут Макарий. – Не чудо ли тут!
– А орешки-то сладкие, – Тихон сказал. –
Друг наш, белочка, милая, скинь нам ещё.
Где ты спряталась? Выгляни. Где же ты там? –
Вдруг опять показался пушистый комок

Возле ямы, и снова слетели на дно
Три орешка лесных, а затем три грибка
Прошлогодних, сухих. И комочек исчез,
Только хвостик пушистый мелькнул наверху.

8. Борьба за жизнь Бакмата

Время тихо текло над Ветлугой рекой,
Волны тихо неспешно катились на юг.
Им была безразлична минутная жизнь;
Было им всё равно, что творится вокруг.
А у тихого берега возле куста
Старой вербы лежал полумёртвый Бакмат.
И хотя без сознания был он, ему
Важен был каждый миг, продлевающий жизнь.
Верный конь его рядом на страже стоял,
Опустив скорбно голову; гривой своей
Щекотал он хозяину нежно лицо,
Но не двигался тот, и почти не дышал.
Вышла к берегу Овда, колдунья лесов,
Трёх волчиц и волчонка она привела,
Чтобы тело Бакмата забрали они,
Чтоб душою его ей самой овладеть.
Конь учуял волков. Захрапел он, заржал;
Стал он землю копытами сильными бить.
Окружили волчицы Бакмата, хотят
Подобраться поближе, схватить, разорвать
И насытиться кровью и мясом его,
И насытить волчонка, который стоял
Чуть поодаль, пугаясь жестоких копыт.
Только конь от хозяина не отступал
Ни на шаг, на волчиц он кидался, хрипя,
Бил копытом. Одной он попал по хребту;
Отлетела она, заскулила, и встать
Не могла уже, болью сковало её.
Попыталась тогда и колдунья сама
Успокоить коня; подошла и клюкой
Замахала у морды его вороной:
– Чу! Проклятый, остынь! А не то превращу
В мухомор придорожный, в трухлявый пенёк! –
Конь ведёт черным глазом, встаёт на дыбы,
Словно хочет взлететь, унестись в небеса
И хозяина с грешной земли унести.
– Чу! Проклятый! – Тут крикнула Овда. – А ну!!! –
И хотела клюкою ударить коня.
Тот попятился, снова вскочил на дыбы,
Да копытом и выбил у Овды клюку.
А потом он на ноги передние встал,
И копытами задними резко брыкнул

Да волчицу другую подальше отшиб,
Что хотела уж было Бакмата схватить
За сапог и увлечь. Овда ахнула тут:
– Ах ты мерзость! – и руку она подняла,
Чтоб заклятием страшным коня умертвить.
Только видит: рука у неё расцвела
Луговыми цветами, и вьётся над ней
Стоя бабочек мелких. Она в тот же миг
Поняла, в чём причина. Назад отошла,
Да клюку подняла. Лишь схватила клюку,
Вмиг исчезли и бабочек рой, и цветы.
Обернулась колдунья: стоит у реки
Вещий Дед, а на посохе сокол сидит.
– Что мешаешь, старик?! Ты же знаешь и сам,
Что марийскую душу могу я забрать,
Чтобы сила её мне защитой была,
И чтоб наши леса охраняла она… –
Вещий Дед отвечал ведьме Овде тогда:
– Много гибнет марийцев на нашей земле,
Поищи себе душу другую. – На то
Отвечала колдунья, тряся головой:
– Я за этой душой наблюдала давно.
Сильный дух у него, и душа – стоит трёх.
Не мешай мне, старик! Знаешь ты: я – сильней! –
Вещий Дед отвечал ведьме Овде тогда:
– Ты сильней, я не спорю. Да только душа
То не наша уже: от марийских богов
Отвернулась она. Ты не можешь забрать,
Если сам Кугу Юмо, верховный наш бог,
Отпустил эту душу. В одном своём сне
Видел я, что Бакмат не сегодня умрёт.
Он теперь под охраной не наших богов,
Хоть и сам он об этом не знает ещё.
Так что диких волчиц от него отгони
И ступай себе в лес. Пусть хранит он тебя.
– То-то я удивилась, что конь, словно бес,
Защищает его, не боясь ни волчиц,
Ни меня. Вот в чём дело. Когда б подошла
Я поближе, сама бы учуяла дух,
Отступивший от наших марийских богов… –
Тут в волчицу она превратилась, и в лес
Удалилась, за ней поспешили скорей
Три волчицы с волчонком, из них две едва
Волокли свои ноги. Все скрылись в лесу.
Сокол с посоха деда крылами взмахнул
И взлетел. Сделав круг, полетел вдоль реки.
А старик подошёл и погладил коня.
Конь брыкаться не стал, только гривой потряс.
– Ты присядь, мой дружок. Так высоко поднять

Не смогу я Бакмата на спину твою.
Ты же видишь: я стар, сил не хватит моих… –
Конь кивнул головой и послушно прилёг.
Вещий Дед взял за плечи Бакмата, поднял,
Кое-как положил поперёк на седло.
Взял коня под уздцы и к дороге повёл,
Говоря ему тихо такие слова:
– О хозяине ты, мой дружок, не грусти.
Хоть не скоро теперь ты увидишься с ним.
Я его подлечу. Будет бегать, как лис.
А тебе предназначен хозяин другой.
Ты, как прежнего, должен его полюбить.
Станешь преданным другом ему и слугой.
Видел я и тебя в своих сказочных снах.
Ты не все ещё битвы людские прошёл.
Что поделаешь? Дивная наша судьба… –
Говорил Вещий Дед. По дороге лесной
Он всё дальше и дальше коня уводил.

9. Кереметовы сосны

Роща светлых берёз за холмом насыпным
Где-то сбоку осталась. Вверху, на холме
Дуб раскидистый рос. Возле дуба кругом
Истуканы стояли. Тут Фёдор спросил:
– Что за капище там, на вершине холма? –
Маша так отвечала ему на вопрос:
– То – марийское место. Святое оно.
Светлый тот березняк, что лежит за холмом, –
Кереметова роща. Святилище там.
Там живут два жреца и помощники их.
Помню, в детстве ещё, я малою была,
Как меня подобрали, так дня через три,
Дед Ексей в эту рощу, в святилище то,
И меня отводил, чтоб жрецу показать.
Помню я, жрец с рогами оленьими был,
Сам седой, словно лунь, а рубаха кругом
Говорящим узором расшита, по ней
Можно многое знать, если смысл понимать.
А на шее жреца крупный камень висел
Драгоценный, который на солнце сиял
Как костёр на груди, ярко-красной зарёй.
Страшным мне показался тогда этот жрец…
Холм тот тоже святой. Как и дуб на холме.
Там молитвы и жертвы приносят жрецы.
Сосны те, что стоят над Ветлугой, куда
Мы с тобою идём, тоже с давних времён
Кереметовой рощей прозвали у нас.
Там – Ходячие Сосны у самой воды. –

Фёдор тут не сдержался, у Маши спросил,
Что давно уж хотел он спросить у неё:
– Почему же ходячими сосны зовут?
– Сам увидишь. А наше преданье о них
Говорит, что давно, с незапамятных пор
Великанами были те сосны, они
Керемету служили. Тогда ещё жил
Славный Нар, великан. Он ходил по земле,
Да из обуви землю, когда вытрясал,
То под ним появлялись большие холмы,
Даже горы. В то время в марийских лесах
Человек появился, и стал он рубить
Вековые леса, выкорчёвывать пни,
Чтобы пашни расширить. И тут налетел
Ураган, пни он в воздух поднял и понёс.
Пень один угодил Нару в глаз. Тот давай
Глаз тереть, слёзы лить. Слёзы лились его
Прямо в Волгу. Солёною стала река.
Бог воды Йомшоэнер сказал ему, чтоб
Не ревел, а шёл к матери. Мать же ему
Этот пень извлекла, а потом говорит:
«Видно, скоро конец великанам придёт,
Видно, люди в марийских лесах завелись,
Если спиленный пень в глаз к тебе прилетел».
Раскрутила тот пень и забросила в лес.
И опять к человеку тот пень прилетел.
Тот его, как и все, на дрова расколол
Да зимою дровами топил свою печь.
А весной глупый Нар, стал ходить по полям,
Видит, в поле букашку, шесть ног у неё.
Та по полю ползёт, след от взрытой земли
За собой оставляя. Нагнулся тут Нар,
Видит, – то человек на лошадке своей
Пашет поле. Нар с лошадью вместе, с сохой
Человека поднял, да и к матери снёс.
Мать сказала: «Верни человека назад.
Суждено после нас им на землю прийти».
Нар обратно отнёс человека, а сам
Не хотел, чтобы род великанов исчез,
Чтоб букашки одни по земле расползлись.
И решил он невесту себе отыскать,
Чтоб продолжить свой род. Долго всюду искал,
Но невесту себе он нигде не нашёл.
Разозлился тогда на людей великан,
Что они всё плодятся, а он всё один.
И решил сам он сделать невесту себе.
Вырвал сосны повыше, да ловко так сплёл,
В виде бабы большой. И понёс он её
К Кугу Юмо, просить, чтобы тот оживил.

Кугу Юмо ему отказал, он сказал,
Что ушло великаново время, и что
Человек скоро будет владыкой земли.
Опечаленный Нар к Керемету пошёл.
Керемет согласился невесту его
Оживить, но сказал, чтобы дети его
Все служили ему. Дал согласие Нар.
И с тех пор жил он счастливо. Мать же его
Тоже рада была видеть внуков своих,
И счастливой она в мир иной отошла.
Нар с женою состарились, много они
Наплодили детей. Правда, дети у них
Были ниже их ростом, всего лишь с сосну.
А потом, как скончались и Нар, и жена,
Керемет их детей всех на службу призвал,
Да велел свои капища им охранять.
Керемешами их он назвал и велел
Всех ногами давить, кто без спросу придёт.
Много было детей-керемешей, Они
Разбрелись по реке, чтоб повсюду в лесу
Охранять кереметовы капища им.
Стали тут керемеши ногами давить
Всех людей, кто случайно в их лес забредёт.
Осерчали тут люди. Сказали жрецу.
Жрец спросил Кугу Юмо: «Что делать теперь?»
Кугу Юмо ответил: «Энеру, реке,
Я велю останавливать их навсегда.
Так что если за вами они побегут,
Вы спешите к Энеру, спасайтесь в реке.
С этих пор реку им перейти не дно.
Потому что, – лишь вступят на берег реки, –
Снова в сосны они превратятся в тот миг.
Только ночью и смогут они оживать,
Но уж с места они никогда не сойдут».
И с тех пор керемеши стоят у реки… –
Фёдор слушал почтительно дивный рассказ,
По дороге к реке, но в конце оборвал:
– Ты сказала: «Энер»? Что за слово «Энер»? –
И ответила Маша, сказала она:
– Так Ветлугу все звали когда-то давно,
С незапамятных пор. Дед Ексей говорил,
Будто прадед его много знал про Энер
Всяких разных историй. Вернёшься когда,
Он расскажет тебе, если вспомнит чего… –
Так они с разговором к реке подошли.
И увидел тут Фёдор, как берег крутой
Сосен ряд обступает, спускаясь к реке.
Но не могут те сосны достигнуть воды,
Корни их из песка выступают, ветвясь,

Будто ноги, стволы над землёю подняв,
И навеки застыв. Словно кто-то их бег
Над рекою прервал. А не то бы они
На корнях, как на щупальцах в реку вошли
И на берег другой, что положе лежит,
Перешли бы. Как диво чудесной земли
Эти Сосны Ходячие были теперь.
– Всё, пришли. Вот и сосны. Ты видишь и сам,
Почему их ходячими люди зовут?
– Да, чудно здесь, – ответил тут Фёдор. – Чудно.
Сосны будто и, правда, готовы пойти…
– Вот Ходячими Соснами их и зовут.
Эти сосны священны у наших людей.
Кереметово место… У нас говорят,
Что они ещё служат ему по ночам,
Когда могут опять великанами быть,
Хоть и с места теперь не сойдут никогда... –
Осмотрелся тут Фёдор вокруг и спросил:
– Где же лодка моя? Что мы, раньше пришли?
– Нет, – ответила Маша. – У сосен нельзя
Из воды выходить. Только – в воду входить.
Это место священно. А лодка твоя
Там, должно быть, за соснами. Вон же, смотри! –
И она указала за сосны ему,
Где у ельника виден был парус едва.
Там их Устя ждала. Там простились они.
Устя вышла из лодки на берег. Потом
Фёдор в лодку вошёл и направил её
По течению вверх. Сокол рядом парил
В вышине по-над лодкой, как будто хотел
Направление верное ей показать.
Ельник скоро исчез с поворотом реки.

10. Хитрость Ворона

Не хотел Ворон ждать, когда иноки вдруг
Станут письма писать. Видел он: твёрдый дух
У монахов сломить не удастся ему.
Уступить же монахам – лицо потерять
Перед шайкой лихой, что с трудом он собрал.
Да и выкуп хотелось ему получить.
Ворон крепко задумался. Долго сидел
У лесного ручья, у землянки своей.
Всё смотрел на ручей, на теченье воды,
Да всё думал, как быть. Уже стали роптать
Душегубы его, что без дела сидят.
– Васька! – тут он позвал одного, что сидел,
Возле ямы, и только что сменщику сдал
Караул свой. И Васька к нему подошёл.

Ворон только кивком на пенёк показал,
Васька рядом уселся. Тут Ворон спросил:
– Как там эти? Не сдохли ещё на воде?
– Живы черти… не знаю уж, чем и живут…
Видно, духом святым. Только молятся всё…
Может, правда, какие святые, а мы…
– Но-но-но! Ты мне брось! Нету святости в них!
Будешь так говорить, и тебя брошу к ним!
Тоже будешь святой на воде, как они.
– Я чего… ничего… так уж все говорят…
– Сопляки! Испугались монахов! Они,
Может, жрут там червей, вот и живы ещё.
На воде всё же долго не смогут прожить. –
Ворон чуть помолчал, а потом говорит: –
Ладно, я тут придумал, как нам и без них
Обойтись. Позови-ка Ушатого мне. –
Васька Леший Ушатого Фомку привёл.
Ворон тут говорит: – Слушай, Фомка, ведь ты
Говорил, что умеешь писать…
– Ну, могу.
– Что ж, тогда ты напишешь письмо в монастырь.
Я тебе продиктую. Неси-ка сюда
Бересты для письма. Ну а ты собери
Все вещички монахов, – он Ваське сказал. –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.